

УДК 81:322:81:42

Г. Кусаинова

магистрант I курса Казахского государственного женского педагогического университета,
г. Алматы, Казахстан
E-mail: Agb-06@mail.ru

Исследование системы языка как феномена языкового сознания

В целом язык представляет собой социальный институт с ярко выраженными социальными характеристиками, включающими в себя – речь человека, взаимодействие языка и общества, язык-культура и др. все эти вопросы обосновываются в статье. Ученые изучают проблему вербальной, языковой репрезентации и объективации концептов. Это особая проблема, связанная с коммуникативными потребностями индивидов, а не с существованием и функционированием концептосферы как субстрата мышления человека. Мышление является невербальным, при этом язык служит не для осуществления мышления, а для выражения, сообщения и обсуждения результатов мыслительного процесса человека и его возможностями оперирования концептами. Вопрос о соотношении понятий сознания и мышления остается в гуманитарных науках актуальным на протяжении многих десятилетий, кроме них изучаются понятия интеллекта и концептосферы. В некоторых современных лингвокогнитивных концепциях разграничение языкового и неязыкового сознания рассматривается как вопрос несущественный, как проблема терминологической традиции.

Ключевые слова: язык, концепт, концептосфера, коммуникативное сознание, когнитивное сознание, языковое сознание.

G. Kusainova

Research of the system of language as the phenomenon of language consciousness

On the whole a language is a social institute with the brightly expressed social descriptions pluggings in itself is speech of man, co-operation of language and society, language culture of and other all these questions are grounded in the article. Scientists study the problem of verbal, language rerepresentation concepts.

It is the special problem related to communication by the necessities of individuals, but not with existence and functioning of the conceptosphere as substrate of thinking of man. Thinking is un verbal, here a language serves not for realization of thinking, and for expression, report and results of cogitative process of man and by his possibilities of operation of concepts.

Question about correlation of concepts consciousness and thinking remain in humanity/pls actual during many decades, except these concepts the concepts of intellect and conceptosphere are studied. In some modern linguo-cognitive conceptions differentiation of language and un language consciousness is examined as a question important, as problem of terminological tradition.

Keywords: language, concept, communicative consciousness, language consciousness.

Г. Кусаинова

Тіл жүйесін тілдік таным феномены ретінде қарастыру

Тіл әлеуметтік институт ретінде тұтастай қарастырылады, ол өз ішінде адам тілі, тіл мен қоғамның қатынасы, тіл – мәдениет сияқты әлеуметтік сипаттамалармен сипатталады. Ғалымдар мәселені вербалды, тілдік репрезентация, тұжырымдардың объективтенуі деп қарастырады. Бұл мәселе өзекті деп есептеледі, себебі бұл мәселе тұлғалардың қарым-қатынастың қажеттілігімен байланысты болып отыр, ойлаумен байланыстырылмайды. Ойлау бейвербалды деп есептеледі, бұл жағдайда тіл ойлауды жарық шығару үшін емес, адамның ойлау процесінің нәтиже, қорытындыларын хабарлап, талқылау үшін қызмет етеді. Сана мен ойлау ұғымдарының ара қатынасы мәселесі гуманитарлық ғылымдар аясында бірнеше онжылдықтар бойы қарастырылып келеді, бұл ұғымдардан басқа интеллект және тұжырымсала ұғымдары қарастырып жүр. Кейбір заманауи лингвокогнитивтік тұжырымдамаларда тілдік және тілдік емес танымды ажырату терминдік дәстүр мәселесі ретінде қарастыруда.

Түйін сөздер: тіл, тұжырым, тұжырымсала, коммуникативтік таным, когнитивтік таным, тілдік сана.

Язык – важнейшее средство человеческого общения, неразрывно связанное с процессом мышления, он представляет собой хранилище духовных ценностей разных народов. Язык – это система коммуникации, осуществляемой с

помощью звуков и символов, которые имеют условные и в то же время структурно-обоснованные значения. Основой сознательного взаимодействия между людьми является язык, который служит важным средством регулиро-

вания их поведения, управления обществом и его различными структурными элементами. В целом язык представляет собой социальный институт с ярко выраженными социальными характеристиками, включающими в себя – речь человека, взаимодействие языка и общества, язык-культура и др. Законы развития языка – это постоянно действующие тенденции, направляющие развитие языков по линии относительного и абсолютного прогресса. Относительный прогресс чаще всего отражает языковая техника, т.е. появление и распространение аналитизма в различных языках мира. Абсолютный прогресс выражается в приспособлении языка к усложняющимся формам общественной жизни и новым потребностям общения, который проявляется в росте словарного состава языка и расширении значений слов.

В свою очередь процесс мышления осуществляется без обязательного обращения к языку. Инструментом мышления выступает универсальный предметный код (УПК), концепция которого как нейрофизиологического субстрата мышления была разработана Н.И. Жинкиным, опирающимся на некоторые фундаментальные идеи, высказанные Л.С. Выготским и позже И.Н. Гореловым. Универсальный предметный код является нейрофизиологическим субстратом мышления, который существует и функционирует независимо от национального языка. Концепты и концептосфера невербальна и существует в сознании на базе УПК автономно, независимо от языковых средств ее объективации. Из всего сказанного следует, что необходимо четко различать *слова* и *концепты*, строго говоря, было бы неверно говорить «концепт письмо» или «концепт письма», более точно говорить: концепт, репрезентируемый в языке словом письмо, представленный в системе языка этим же словом, вербализуемый словом *письмо* и т. д. Ученые изучают проблему вербальной, языковой репрезентации и объективации концептов. Это особая проблема, связанная с коммуникативными потребностями индивидов, а не с существованием и функционированием концептосферы как субстрата мышления человека.

Мышление является невербальным, при этом язык служит не для осуществления мышления, а для выражения, сообщения и обсуждения результатов мыслительного процесса человека и его возможностями оперирования концептами. Вопрос о соотношении понятий

сознание и *мышление* остается в гуманитарных науках актуальным на протяжении многих десятилетий. В настоящее время к этим понятиям присоединились понятия *интеллект*, *концептосфера*.

Фундаментальным представляется разграничение сознания, мышления и интеллекта. Сознание, по А.А. Леонтьеву, это «особое внутреннее движение, порождаемое движением человеческой деятельности», «рефлексия субъектом действительности, своей деятельности, самого себя» [Леонтьев, 1]. Сознание включает чувства, эмоции, осуществляет бессознательное отражение действительности. Мышление рассматривается как процесс сознательного отражения действительности [Красных, 2]. Мышление связано, прежде всего, с целенаправленным логическим познанием, с умственным отражением недоступных для чувственного восприятия объектов и явлений. «Таким образом, можно выстроить следующую триаду понятий: сознание – как *феномен*, как высшая форма отражения действительности, мышление – как *процесс* сознательного отражения действительности, интеллект – как *умственная способность*» [Красных, 2]. Сознание есть у животных и человека, мышление и интеллект – только у человека. Концептосфера – это упорядоченная совокупность ментальных единиц, отражающих познанную субъектом действительность, которая составляет *информационную базу* как сознания, так и мышления.

В последнее время широкое распространение получило понятие «языковое сознание». Оно используется лингвистами, психологами, культурологами, этнографами и др., ср.: «Этнокультурная специфика языкового сознания», М., 1996; «Языковое сознание: формирование и функционирование», М., 1998; «Языковое сознание и образ мира», М., 2000 и др. Укажем также исследования в этой области, опубликованные в тематических сборниках «Язык и национальное сознание» [вып. 1-8, Воронеж, 1998-2006], а также в коллективной монографии «Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии» [Воронеж, 2002].

Языковое сознание описывается в настоящее время как новый объект психолингвистики, определившийся в последние 15 лет [«Языковое сознание и образ мира», 2000]. В одной из первых специальных работ по проблеме языкового сознания [коллективная монография «Язык и сознание: парадоксальная рациональность» под ред. Е.Ф. Тарасова[3], вышедшая в

Институте языкознания РАН в 1993г.] научный редактор констатирует: «...В монографии «языковое сознание» и просто «сознание» используются для описания одного и того же феномена – сознания человека». Сегодня этот подход остался в прошлом, а многие исследователи указывают, что между сознанием и языковым сознанием нельзя ставить знак равенства. Понятие языкового сознания прошло за последние десятилетия определенную эволюцию. Так, Т.Н. Ушакова совершенно справедливо отмечает, что понятие языкового сознания полезно и перспективно для исследования соотношения психики и речи, однако в настоящее время оно имеет достаточно широкое и неопределенное «референтное поле», и это «таит в себе опасность для научной мысли: при громадности проблемы связи психики и материи возникает искушение представлять переход от одного к другому как простой и непосредственный» [«Языковое сознание и образ мира», 2000, (4)].

В 2000 г. Е.Ф.Тарасов уже дифференцирует сознание и языковое сознание, определяя последнее как «совокупность образов сознания, формируемых и «овнешняемых» с помощью языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [«Языковое сознание и образ мира», 2000].

Отметим, что в данном определении совмещены два аспекта – формирование сознания и его «овнешнение», что далеко не одно и то же. Сознание в онтогенезе и филогенезе формируется *при участии* языка, знаки которого служат материальными опорами обобщения в процессе образования концептов в сознании, однако само сознание в языке для функционирования не нуждается, осуществляется при использовании универсального предметного кода. Овнешнение сознания языком обеспечивает возможность обмена информацией в обществе и делает содержание сознания доступным для наблюдения, но факт овнешнения сознания языком в целях коммуникации не может свидетельствовать о наличии некоторого особого *языкового* сознания – овнешняется когнитивное сознание, которое не приобретает при этом какого-либо особого «языкового» статуса.

На неудачность выражения «языковое сознание» обращал внимание еще в 1993 г. А.А. Леонтьев: «...Эпитет «языковой» в словосочетании «языковое сознание» не должен вводить нас в заблуждение. К языку как тра-

диционному предмету лингвистики этот эпитет прямого отношения не имеет. Изображать язык (в традиционно-лингвистической его трактовке) как то, что опосредует отношение человека к миру, – значит попадать в порочный круг» [«Язык и сознание: парадоксальная рациональность», 1993].

В некоторых современных лингвокогнитивных концепциях разграничение языкового и неязыкового сознания рассматривается как вопрос несущественный, как проблема терминологической традиции. Ср., например, такую точку зрения: «Говоря о языковом сознании, я имею в виду ту «ипостась» сознания, которая связана с речевой деятельностью личности» [Красных, 2003]. Так, В.В. Красных продолжает: «Говоря «языковое сознание», я имею в виду тот аспект, который непосредственно связан с процессами порождения и восприятия речи». С этим вполне можно согласиться: языковое сознание выступает здесь как ипостась, то есть как аспект, часть сознания, но не все сознание. Но далее В.В. Красных делает неожиданный вывод: «Итак, сознание (языковое сознание) имеет языковую природу, «манифестирует себя в языке» [2].

Утверждать то, что сознание имеет языковую *манифестацию*, никак не доказывает, что оно имеет языковую *природу*. Например, эмоции могут иметь языковую манифестацию, но что существование эмоций и их переживание носит языковой характер нельзя говорить. Сознание может манифестироваться невербальными средствами, художественными средствами – например, изобразительными, музыкальными, но это не свидетельствует о музыкальном, изобразительном или жестовом характере сознания.

Для нас представляется важным, что в лингвистике и психолингвистике до сих пор не терминологизированы психические механизмы речи, обеспечивающие речевую деятельность человека, *совокупность знаний человека о своем языке*. Считаем, что именно эти механизмы и знания представляют собой языковое сознание человека. В таком случае традиционная лингвистика тоже изучает языковое сознание – правила употребления языка, нормы, упорядоченность языковых единиц в сознании и т.д., но при этом она практически не исследует *психологическую реальность выполняемых описаний*. На каком-то этапе развития традиционного языкознания этого было достаточно: достаточно этого и для традиционных методов

обучения языку. Однако не на современном этапе, когда коммуникативное, антропоцентрическое направление в лингвистике стало доминирующим, и у исследователей заметно повысился интерес к живому языку, к языку, функционирующему в реальной коммуникации, а не к абстрагированному от носителя «мертвому» языку, отраженному в словарях и грамматиках, когда разработаны новые методы исследования, в том числе психолингвистические. Это и привело к интенсивному развитию исследований в области коммуникации, психических механизмов языка, ассоциативно-вербальных сетей (термин Ю.Н. Караулова), ассоциативных полей и др.

В связи с этим под *языковым сознанием* предлагается понимать совокупность ментальных механизмов порождения, понимания речи и хранения языка в сознании, то есть *ментальные механизмы, обеспечивающие процесс речевой деятельности* человека. Это «знания, используемые коммуникантами при производстве и восприятии речевых сообщений» [«Этнокультурная специфика языкового сознания», 1996]. Изучением языкового сознания занимаются в разных аспектах психология, психолингвистика, нейролингвистика, онтолингвистика, возрастная лингвистика [«Языковое сознание и образ мира», 2000]. Подчеркнем еще раз, что языковое сознание при помощи специальных методов изучает и традиционная описательная лингвистика. Таким образом, языковое сознание – это часть сознания, обеспечивающая механизмы языковой (речевой) деятельности: *порождение речи, восприятие речи* и – добавим, что очень важно – *хранение языка в сознании*. Система языковых единиц с их разнообразными значениями хранится в сознании и является принадлежностью языкового сознания, а исследование системы языка как феномена сознания есть исследование языкового сознания. Существует несколько уровней описания языкового сознания:

- Уровень *традиционного лингвистического описания* языкового сознания предполагает обобщенное описание значений и употреблений языковых единиц и структур в отвлечении от психологии говорящего человека и психологической реальности выполняемого описания. Традиционная, классическая описательная лингвистика изучает язык как систему единиц и правил их употребления. Такой подход предполагает описание того, что *есть* в языке, что уже зафиксировано в текстах, словарях, пись-

менной и устной речи, что устоялось, определено и является общепринятым. Описывается надындивидуальное в языке.

Продуктами такого описания являются определенные конструкты лингвистов, предлагающие их личное понимание значений и функций тех или иных языковых единиц, форм и структур на данном этапе развития языка. Подобное описание осуществляется в рамках традиционной фонетики и фонологии, лексикологии и лексикографии, грамматики. Такое описание необходимо для фиксации и распространения языковых норм, для обучения языку, для сравнения языков, составления словарей и учебников. Однако фиксация значений и функций языковых форм в словарях и грамматиках является результатом обобщения и отвлечения от лингвистической реальности и поэтому нельзя, к примеру, сказать, что то или иное слово в данном языке не имеет определенного значения или семантического компонента, поскольку это «не отражено в имеющихся словарях», – описание слова в словаре есть результат отвлечения от реальных употреблений слов, определенный лингвистический конструкт, который нельзя абсолютизировать. К тому же словари не всегда охватывают весь лексический запас языка. По мнению Флобера: «Словари – как часы: самый плохой лучше, чем никакой, но даже самый лучший никогда точно не показывает».

- Уровень *психолингвистического описания* языковых фактов отражает результаты экспериментальных исследований, в частности, выполненных с помощью различного рода ассоциативных экспериментов и многочисленных других экспериментальных процедур, таких как: методика интервьюирования, метод субъективных дефиниций, интерпретационный эксперимент, методика семантического шкалирования, методика ранжирования и др., применение этих и других приемов отмечены в работах Высочина 2001, 2002; Грищук 2002, «Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии», 2002, с. 286-289; «Язык и национальное сознание», вып. 1-8, 1998-2006; Фридман 2004], которые позволяют выявить и описать содержание языковых знаков и структур в том виде, в каком они реально присутствуют в сознании носителей языка, а также выявить характер взаимодействия языковых единиц и структур в процессах понимания, хранения и порождения речевых произведений. Исследование языкового сознания возможно как на лин-

гвистическом, так и на психолингвистическом уровнях. Оба подхода предполагают свои методы и дополняют друг друга в описании системы языка. Достоверность традиционн-лингвистического описания повысится, если оно будет включать результаты психолингвистического описания.

Языковое сознание – компонент когнитивного сознания, «заведующий» механизмами речевой деятельности человека; это один из видов когнитивного сознания, обеспечивающий такой вид деятельности, как оперирование речью. Однако речевая деятельность человека сама является компонентом более широкого понятия – коммуникативной деятельности человека. В связи с этим возникает проблема разграничения языкового и коммуникативного сознания.

Коммуникативное сознание – это совокупность знаний и механизмов, которые обеспечивают весь комплекс коммуникативной деятельности человека. Это коммуникативные установки сознания, совокупность ментальных коммуникативных категорий, а также набор принятых в обществе норм и правил ведения общения. Для русского человека *это совокупность знаний о том, как надо вести общение в России*. В коммуникативное сознание входит и информация об иностранных языках – отношение к ним, их оценка, характеристика степени трудности, знания о коммуникативном поведении носителей этих языков и др.

Приведем пример разграничения языкового и коммуникативного сознания:

- *языковое сознание* содержит информацию о *формулах приветствия* (то есть об имеющихся языковых единицах для обозначения некоторого смысла): «здравствуйте», «добрый день», «доброе утро», «привет» и др., а также об их *дифференцированных значениях* – приветствие утром, вечером и т.д., вежливое, разговорное и др.; это информация, которая является принадлежностью языкового сознания русского человека;

- *коммуникативному сознанию* принадлежит информация о том, как надо приветствовать – с каким лицом, с какой интонацией, на какой дистанции, когда и кого можно не приветствовать, кого надо приветствовать вежливо, на «вы», а кого можно попроще и т.д., в каких ситуациях обязательно приветствовать, в каких – нет, надо ли повторно приветствовать в течение дня и т.д.

Коммуникативное сознание *включает* языковое как свою составную часть, но *не исчерпывается* им. «Языковое сознание как совокупность смыслов, имеющих языковую привязку, – только часть сознания в целом, точно так же как мышление – только часть ментальных процессов, осуществляемых в сознании» [Кубрякова, 5].

Языковое сознание исследуют традиционная лингвистика, психолингвистика, нейролингвистика, психология, логопедия, в какой-то степени – методика обучения языку. Коммуникативное же сознание не изучается до сих пор какой-либо специальной наукой, хотя изучение коммуникативного сознания, особенно его национальной специфики необходимо. Интерес к коммуникативному сознанию народа начинают проявлять культурология и лингвокультурология, этнография, этнолингвистика и новая формирующаяся наука о межкультурной коммуникации.

Подчеркнем, что коммуникативное сознание народа в целом, в единстве его языкового и чисто коммуникативного аспектов, входит интегральной составной частью в когнитивное сознание нации, являясь компонентом общего когнитивного сознания народа.

Соотношение когнитивного, коммуникативного и языкового сознания может быть расположено так:

Когнитивное сознание

Коммуникативное сознание

Языковое сознание

Поскольку само языковое сознание является частью коммуникативного и когнитивного сознания, четкие разграничения в принципе условны и необходимы преимущественно в исследовательских целях, поскольку методики исследования когнитивного и языкового сознания совпадают лишь частично: при исследовании языкового сознания мы должны стоять исключительно на позициях языка и опираться на лингвистические факты и результаты лингвистических экспериментов; при описании концептосферы, когнитивного сознания, лингвистические методы оказываются лишь одним из способов анализа, могут быть применены и другие – культурологические, этнографические, социально-психологические и т.д., хотя лингвистические методы оказываются, с нашей точки зрения, в любом случае наиболее надежными.

Лингвисты изучают языковое сознание человека, коммуникативисты – коммуникативное

сознание человека; когнитологи изучают когнитивное сознание. Лингвокогнитологи изучают когнитивное сознание языковыми приемами и инструментами: результаты лингвистических наблюдений подвергаются когнитивной интерпретации, что позволяет моделировать концепты как единицы когнитивного сознания в опоре на полученные лингвистические данные.

Так, рассматривая теорию В. Гумбольдта о народном духе, А.А. Потебня признает вопрос о происхождении языка вопросом о явлениях душевной жизни, предшествующей языку, о законах его образования и развития, о влиянии его на последующую душевную деятельность, то есть вопросом чисто *психологическим*. А.А. Потебня понимает, что в душевной деятельности есть понятия сильнее, выдвигаемые вперед, и понятия, остающиеся вдали [Потебня, 6]. Именно сильнее представленные участвуют в образовании новых мыслей (закон апперцепции Гербарта). А.А. Потебня хорошо видит роль ассоциации и слияния ассо-

циаций в образовании рядов представлений. Разнородные представления, воспринятые одновременно, не теряя своей цельности, могут слагаться в одно целое. При слиянии два различных представления воспринимаются как одно [Потебня].

Иначе говоря, А.А. Потебня прекрасно понимал роль языка в процессах познания нового, в процессах становления и развития человеческих знаний о мире на основе психологических процессов апперцепции и ассоциации, на основе разных по силе представлений человека о явлениях, имеющих названия в языке. Еще более очевиден предмет когнитивной лингвистики в следующем высказывании И.А. Бодуэна де Куртенэ: «...Из языкового мышления можно выявить целое своеобразное языковое знание всех областей бытия и небытия, всех проявлений мира, как материального, так и индивидуально-психологического и социального (общественного)» [Бодуэн де Куртенэ, 7].

Литература

- 1 Леонтьев А.А. Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М., 1993.
- 2 Красных В.В. От концепта к тексту и обратно. – М., 1998.
- 3 Тарасова Е.Ф. Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М., 2000.
- 4 Ушакова Т.Н. Языковое сознание и образ мира. – М., 2000.
- 5 Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука конца XX века. – М., 1999.
- 6 Потебня А.А. Из лекций по теории словесности // Русская словесность: Антология. – М., 1997.
- 7 Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. – М., 1963.
- 8 Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1995.
- 9 Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык. (К проблеме языковой «картины мира»). – Вопросы языкознания. – № 3. – 1997.
- 10 Брутян Г.А. Языковая картина мира и ее роль в познании. – Методологические проблемы анализа языка. – Ереван, 1976.
- 11 Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. – Москва, 1976.
- 12 Виноградова Т.Ю., Салмина Л.М. Специфика моделирования картины мира в разных национальных культурах. – Москва, 1997.

References

- 1 Leont'ev A.A. Yazyk i soznanie: paradoksal'naya ratsional'nost'. – M., 1993.
- 2 Krasnyh V.V. Ot kontsepta k tekstu i obratno. – M., 1998.
- 3 Tarasova E.F. Yazyk i soznanie: paradoksal'naya ratsional'nost'. – M., 2000.
- 4 Ushakova T.N. Yazykovoe soznanie i obraz mira. – M., 2000.
- 5 Kubryakova E.S. Evolyutsiya lingvisticheskikh idey vo vtoroy polovine XX veka/Yazyk i nauka kontsa XX veka. – M., 1999.
- 6 Potebnya A.A. Iz lektsiy po teorii slovesnosti // Russkaya slovesnost': Antologiya. – M., 1997.
- 7 Boduen de Kurtene I.A. Izbrannyye trudy po obschemu yazykoznaniiyu. – M., 1963.
- 8 Apresyan Yu.D. Deyksis v leksike i grammatike i naivnaya model' mira. – Moskva: Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1995.
- 9 Arutyunova N.D. Anomalii i yazyk. (K probleme yazykovoy «kartiny mira»). – Voprosy yazykoznaniiya. – № 3. – 1997.
- 10 Brutyan G.A. Yazykovaya kartina mira i ee rol' v poznanii. – Metodologicheskie problemy analiza yazyka. – Erevan, 1976.
- 11 Vereschagin E.M., Kostomarov V.G. Yazyk i kul'tura. – Moskva, 1976.
- 12 Vinogradova T.Yu., Salmina L.M. Spetsifika modelirovaniya kartiny mira v raznyh natsional'nyh kul'turah. – Moskva, 1997.